

Х.К. АНДЕРСЕН

ДЮЙМОВОЧКА

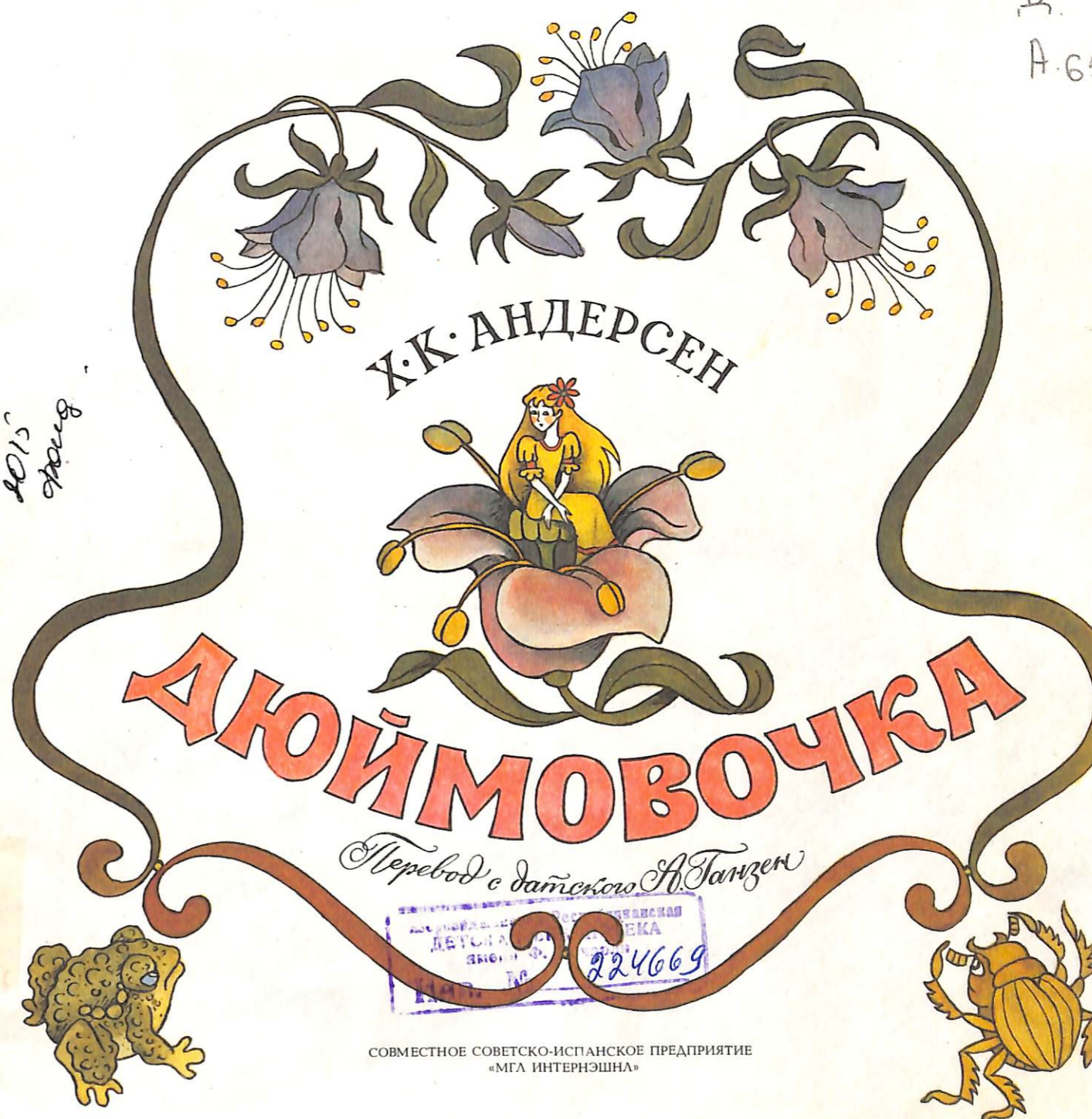

30 15 1911

Видно
5108

Д.
А. 6

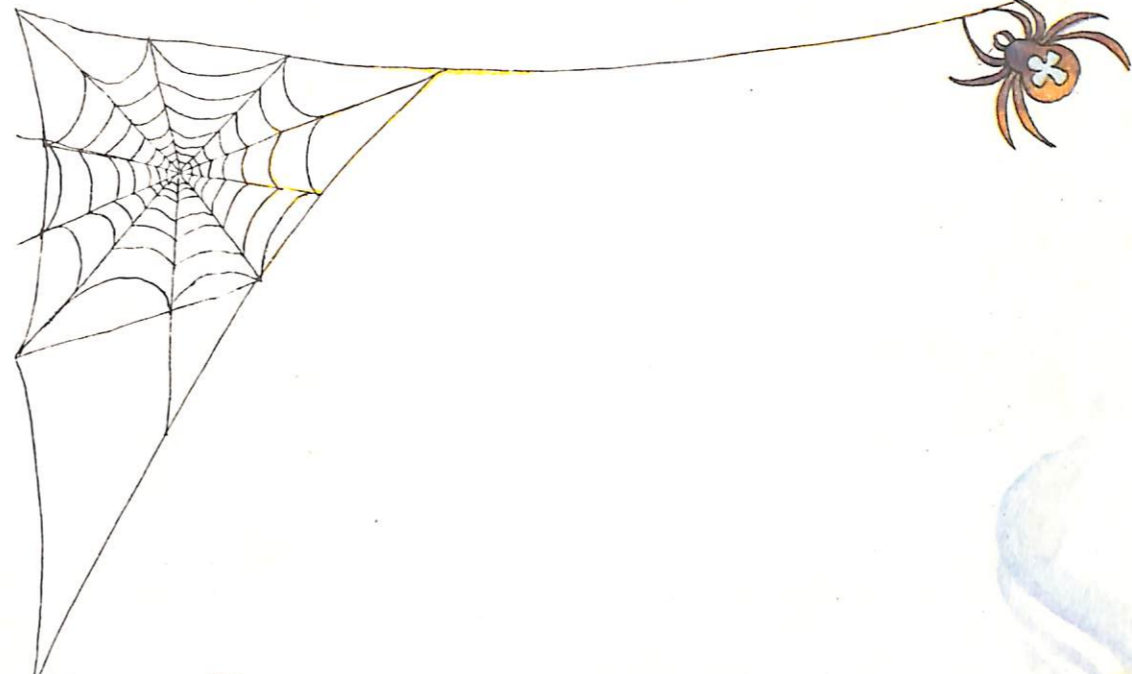
Х.К. АНДЕРСЕН

ДЮЙМОВОЧКА

Перевод с датского А. Танзена

224669

СОВМЕСТНОЕ СОВЕТСКО-ИСПАНСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
«МГА ИНТЕРНЭШНА»

ила одна женщина, и не было у неё детей. А ей очень хотелось маленького ребёночка. Вот пошла она к старой колдунье и сказала:

— Мне очень хочется, чтобы у меня была дочка. Не скажешь ли ты, где мне её взять?

— Почему не сказать! — ответила колдунья. — Вот тебе ячменное зерно. Это зерно не простое, не такое, какие растут на крестьянских полях и которыми кормят кур. Посади ты это зёрнышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать грошей.

Потом она пошла домой и посадила ячменное зёрнышко в цветочный горшок. Только она его посадила, зёрнышко сразу дало росток, а из ростка вырос большой

чудесный цветок, совсем как тюльпан. Но лепестки цветка были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой прелестный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пёстрые лепестки.

И как только она поцеловала лепестки, там внутри, в бутоне, что-то щёлкнуло, и цветок распустился. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зелёном пестике цветка сидела девочка. Она была маленькая-маленькая, всего в дюйм ростом. Её так и прозвали Дюймовочкой.

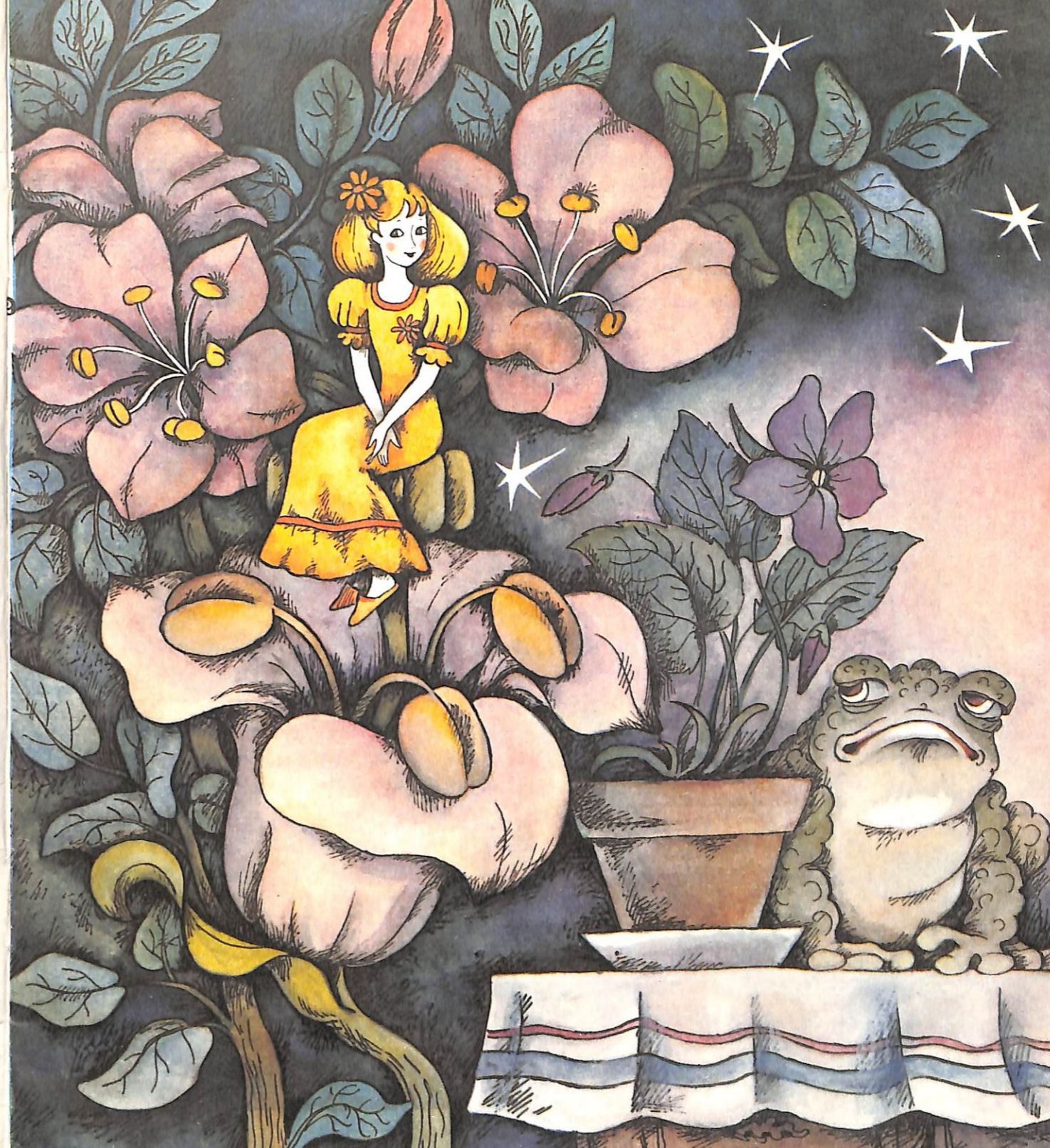
Скорлупа грецкого ореха была её колыбелькой, голубые фиалки — периной, а лепесток розы — одеялом. В скорлупке она спала ночью, а днём играла на столе. Женщина поставила на стол тарелку с водой, а на края тарелки положила цветы, и длинные стебельки цветов купались в воде. Для маленькой Дюймовочки тарелка с водой была целым озером, и Дюймовочка плавала по этому озеру на лепестке тюльпана, как на лодочке. Вместо вёсел у неё были два белых конских волоса. Дюймовочка целые дни каталась на своей чудесной лодочке, переплывала с одной стороны тарелки на другую и распевала песни. Такого нежного голоса, как у неё, никто никогда не слышал.

Однажды ночью, когда Дюймовочка спала в своей колыбельке, через открытое окно в комнату влезла большущая жаба, мокрая и безобразная.

Она вспрыгнула прямо на стол и заглянула в скорлупку, где спала под лепестком розы Дюймовочка.

— Вот славная жена будет моему сынку! — сказала жаба.

Она схватила ореховую скорлупку с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

В саду протекала речка, а у самого её берега было топкое болото. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный — точь-в-точь, как и его мать, старая жаба.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Разбудишь её, и она убежит от нас! — сказала старая жаба. — Она ведь легче лебединого пуха. Посадим-ка её на самую середину реки, на широкий лист кувшинки, — это целый остров для такой крошки. Оттуда ей уже ни за что не убежать. А я тем временем устрою для вас в тине уютное гнёздышко.

В реке росло много кувшинок; их широкие зелёные листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупу, в которой спокойно спала девочка.

Рано утром проснулась Дюймовочка и вдруг увидела, что она на листе кувшинки: кругом, куда ни помотришь, вода, а берег чуть виднеется вдали. Дюймовочка очень испугалась и заплакала.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и жёлтыми кувшинками — она хотела угодить молодой невестке. Когда всё было готово, жаба подплыла со своим гадким сыном к листу, на котором сидела Дюймовочка, чтобы взять её кроватку и поставить в спальне. Старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. Вы славно заживёте с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Жабы взяли скорлупу и уплыли с ней, а Дюймовочка осталась одна на зелёном листе и горько-горько плакала: ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за её противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали под водой, видели жабу и её сына и слышали, что она говорила Дюймовочке.

Они высунули из воды свои головы, чтобы поглядеть на крошку-невестку. Как только рыбки увидели Дюймовочку, им стало ужасно жалко, что такой прелестной девочке придётся жить с жабами. Не бывать же этому! Рыбки со всей речки подплыли к листу кувшинки, на котором сидела Дюймовочка, и перегрызли стебелёк листа.

И вот лист кувшинки поплыл по течению. Течение было сильное, лист с девочкой плыл очень быстро. Теперь жаба никак не могла догнать Дюймовочку.

А Дюймовочка плыла всё дальше, и маленькие птички, которые сидели в кустах, смотрели на неё и пели: — Какая хорошенькая маленькая девочка!

Красивый белый мотылёк всё время порхал вокруг Дюймовочки и наконец опустился на лист: уж очень ему понравилась маленькая девочка. Тогда Дюймовочка сняла с себя пояс, один конец набросила на мотылька, а другой привязала к своему листу, и лист поплыл ещё быстрее.

Вдруг мимо пролетел майский жук. Он увидел Дюймовочку, схватил её и унёс на дерево, а зелёный лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылёк — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Бедная Дюймовочка очень испугалась, когда жук схватил её и полетел с ней на дерево. Но майскому жуку и горя было мало. Он уселся высоко на дереве, покормил Дюймовочку сладким цветочным соком и сказал ей, что она ему очень нравится, хотя она и совсем не похожа на майского жука.

Потом к ним пришли гости — другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, а жучки-барышни пожимали щупальцами.

— У неё только две ножки! — говорили одни.

— У неё даже нет щупалец! — сказали другие.

— Какая она тонкая! Она совсем как человек! — сказали третьи.

— Она очень некрасивая! — решили, наконец, все жуки.

Тут майскому жуку, который принёс Дюймовочку, показалось тоже, что она очень некрасивая, и он не захотел больше держать её у себя — пусть идёт куда знает. Он слетел с нею вниз и посадил её на ромашку.

Дюймовочка сидела на цветке и плакала: ей было обидно, что она такая некрасивая. Даже майские жуки прогнали её.

Всё лето прожила Дюймовочка одна-одинёшенька в лесу. Она сплела себе из травы колыбельку и повесила эту колыбельку под большой лист лопуха, чтобы её не замочил дождик. Она ела сладкий цветочный мёд и пила росу, которую каждое утро находила на листьях.

Так прошло лето, прошла и осень. Приближалась длинная, холодная зима. Все птички улетели, цветы завяли, а большой лопух, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, засох и свернулся в трубочку.

Дюймовочка дрожала от холода: платье её всё разорвалось, а она была такая маленькая, нежная — как ей не мёрзнуть! Пошёл снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки то же, что для нас целая лопата снегу. Мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм ростом. Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и Дюймовочка сама дрожала, как осенний лист.

Тогда Дюймовочка решила уйти из лесу и поискать себе приюта на зиму.

За лесом, в котором жила Дюймовочка, было большое поле. Хлеб с поля уже давно убрали, и только короткие сухие стебельки торчали из мёрзлой земли.

В поле было ещё холодней, чем в лесу, и бедняжка совсем замёрзла. И вот Дюймовочка пришла к норке полевой мыши; вход в норку был прикрыт сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: кухня и кладовая у неё были битком набиты хлебными зёрнами. Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зёрнышка — она два дня ничего не ела.

— Ах ты бедняжка! — сказала полевая мышь (она была в сущности добрая старуха). — Ну, иди сюда, погрейся да поешь со мной.

И Дюймовочка спустилась в норку, обогрелась и поела. Старухе девочка очень понравилась, и она сказала ей:

— Оставайся у меня на зи-

му. Я буду кормить тебя, а ты убирай хорошенько мой дом да рассказывай мне сказки — я очень люблю сказки.

И Дюймовочка стала делать всё, что приказывала ей старая мышь. Ей жилось отлично в тёплой мышиной норке.

— Скоро у нас будут гости, — сказала однажды полевая мышь. — Раз в неделю приходит навестить меня мой сосед. Он очень богат и живёт куда лучше меня. У него большой дом под землёй, и он носит чудесную чёрную бархатную шубу. Выходи, девочка, за него замуж! Уж с ним-то ты не пропадёшь. Одна только беда: он совсем слепой и не увидит тебя. Зато ты будешь рассказывать ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за соседа — это ведь был крот.

Вскоре крот в самом деле пришёл в гости к полевой мыши. Он был такой важный, учёный и богатый; шуба на нём была бархатная и очень красивая.

Дом у него был в двадцать раз больше, чем домик полевой мыши. Там было много больших

комнат и длинных коридоров, но солнце никогда не заглядывало туда. Крот терпеть не мог солнца и не выносил цветов — он ведь их никогда не видел.

Дюймовочку заставили петь для важного гостя, и она спела две песенки, да так хорошо, что крот сразу полюбил её. Но он не сказал ни слова — он был такой степенный и солидный господин.

А потом крот прорыл под землёй длинный подземный ход от своего дома к самой норке полевой мыши и пригласил старую мышь и Дюймовочку прогуляться по этому подземному ходу.

Крот взял в рот гнилушку — в темноте ведь гнилушка светит всё равно, что свечка, — и пошёл вперёд, освещая длинный и широкий коридор. На полпути крот остановился и сказал:

— Здесь лежит какая-то птица. Но вам её нечего бояться — она мёртвая.

И крот протолкнул своим широким носом дырку в потолке. Дневной свет проник в подземный ход, и Дюймо-

вочка увидела мёртвую ласточку. Это была настоящая птица, с перьями и клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и упала в норку крота.

Крылышки мёртвой птички были крепко прижаты к телу, ножки и голова спрятаны в пёрышки. Бедная ласточка, наверное, умерла от холода. Дюймовочке стало очень жалко её, она так любила птичек — ведь они целое лето пели ей свои чудесные песенки. Но крот толкнул ласточку своими короткими лапами и сказал:

— Теперь уж не посвистишь! Да, не хотел бы я родиться вот такой пичужкой! Она только и умеет чирикать да щебетать, а придёт зима — что ей делать? Помирай с голоду и холоду. Вот уж моим детям зимы не придётся бояться.

— Да, да! — сказала полевая мышь. — Какой прок от этого чириканья — песнями сыт не будешь, чириканьем зимой не согреешься!

А Дюймовочка молчала. Но когда крот и мышь повернулись к птице спиной, Дюймовочка нагнулась к ласточ-

ке, раздвинула пёрышки и поцеловала её прямо в закрытые глаза.

«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно распевала летом,— подумала девочка.— Сколько радости доставила ты мне, милая птичка!»

Потом крот заткнул дыру в потолке и проводил старуху мышь и Дюймовочку домой.

Ночью Дюймовочке не спалось. Она встала с постельки, сплела из сухих былинки большой ковёр, пошла в подземный ход и прикрыла ковром мёртвую птичку. Потом Дюймовочка принесла из мышиной норки пушистый, мягкий мох и устроила из него постельку, чтобы мёртвой птичке было удобнее лежать.

— Прощай, милая ласточка! — сказала Дюймовочка.— Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда деревья были ещё зелёные, а солнышко так славно грело!

И она склонила головку на грудь птички и вдруг испугалась: она услышала, как в груди ласточки что-то стучит. Это забилося сердце птички — она была не совсем мёртвая, а только окоченела от холода. А теперь она согрелась и ожила. Дюймовочка дрожала от испуга — ведь птица была просто великаном по сравнению с такой крошкой. Но всё-таки Дюймовочка собралась с духом, поплотнее закутала ласточку ковриком, а потом сбегала принесла листок мяты, которым сама укрывалась, и прикрыла им голову птицы.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к птице. Ласточка уже совсем ожила, только была ещё очень слаба и еле-еле открывала глаза, чтобы посмотреть на девочку. Дюймовочка стояла перед нею с куском гнилушки в руках — другого фонаря у неё не было.

— Спасибо тебе, милая крошка! — сказала больная ласточка.— Я так хорошо согрелась! Скоро я совсем поправлюсь и опять полечу на солнышко!

— Ах,— сказала Дюймовочка,— теперь так холодно, идёт снег! Остайся лучше в своей тёплой постельке, а я буду ухаживать за тобой.

Дюймовочка принесла воды в цветочном лепестке и несколько ячменных зёрнышек. Ласточка попила и поела, а потом рассказала девочке, как она поранила себе крыло о терновый куст и не могла улететь вместе с другими ласточками в тёплые края. Пришла зима, стало очень холодно, и она упала на землю... Больше ласточка уже ничего не помнила, и как она попала сюда, в подземелье, она не знала. Всю зиму прожила ласточка в подземелье, а Дюймовочка ухаживала за ней.

Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь совсем не любили птичек.

Когда настала весна и пригрело солнышко, Дюймовочка, чтобы ласточка могла улететь, открыла ту дыру, которую проделал в потолке крот.

Ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с нею, — пусть сядет к ней на спину, и они полетят в зелёный лес. Но Дюймовочке было жалко старую полевую мышь — она знала, что старухе без неё будет очень скучно.

— Нет, я не могу улететь с тобой,— сказала она ласточке.

— Прощай, прощай, милая девочка! — прощбетала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и слёзы закапали у неё из глаз — уж очень полюбила она птичку.

— Тви-вить, тви-вить! — крикнула ласточка и скрылась в зелёном лесу.

А Дюймовочка осталась в мышиной норе. Теперь ей жилось очень плохо: ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а поле вокруг норки полевой мыши заросло высокими, толстыми колосьями и казалось Дюймовочке дремучим лесом.

И вот однажды пришёл старый крот и посватался к Дюймовочке.

— Ну, теперь тебе нужно готовить приданое,— сказала старуха мышь.— Ты выйдешь замуж за важного господина, и надо, чтобы у тебя всего было вдоволь.

И Дюймовочке пришлось по целым дням пряхть пряжу.

Старуха мышь наняла четырёх пауков, и они днём и ночью сидели в мышиной норе и ткали разные ткани.

А толстый слепой крот приходил каждый вечер в гости и болтал о том, что скоро лету будет конец, солнце перестанет палить землю, и она снова станет мягкой и рыхлой. Вот тогда они сыграют свадьбу. Но Дюймовочка всё грустила и плакала: она совсем не хотела выходить замуж за толстого крота.

Каждое утро, на восходе солнца, и каждый вечер, на закате, Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба.

«Как светло, как хорошо тут на воле!»— думала Дюймовочка и всё вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко в зелёном лесу.

И вот наступила осень. Приданое Дюймовочки было готово.

— Через четыре недели твоя свадьба!— сказала Дюймовочке полевая мышь.

Но Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Глупости! — сказала старуха мышь. — Не упрямясь, а не то я укушу тебя своим белым зубом. Чем тебе крот не муж? У самой королевы нет такой чёрной бархатной шубки, как у него. Да и в погребах у него не пусто. Бога благодари за такого мужа!

Наконец настал день свадьбы, и крот пришёл за невестой. Теперь Дюймовочке придётся переселиться в кротовую нору, жить глубоко под землёй, и никогда она не увидит солнце — крот ни за что не позволит ей выходить из норы.

А бедной Дюймовочке было так тяжело навсегда распрощаться с ясным солнышком! И Дюймовочка вышла взглянуть на солнышко в последний раз.

Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от мышиной норки подальше и протянула к солнцу руки:

— Прощай, солнышко, прощай!

Потом она увидела маленький красный цветочек, обняла его и сказала:

— Поклонись, цветочек, от меня милой ласточке, если увидишь её.

— Тви-вить, тви-вить! — вдруг раздалось над её головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а Дюймовочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за толстого крота и жить с ним глубоко под землёй, куда никогда не заглядывает солнышко.

— Уже наступает холодная зима, — сказала ласточка, — и я улетаю далеко-далеко, в тёплые края. Хочешь

лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой от гадкого крота, улетим далеко, за синее море, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в тёмной, холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой, — сказала Дюймовочка.

Она села ласточке на спину и крепко привязала себя поясом к самому большому пёрышку.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над тёмными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было очень холодно, и Дюймовочка вся зарылась в тёплые перья ласточки и высунула только голову, чтобы любоваться прекрасными местами, над которыми они пролетали.

Но вот и тёплые края! Тут солнце сияло гораздо ярче, небо было вдвое выше, чем у нас, а около канав и изгородей вился чудесный зелёный виноград. В лесах росли лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой

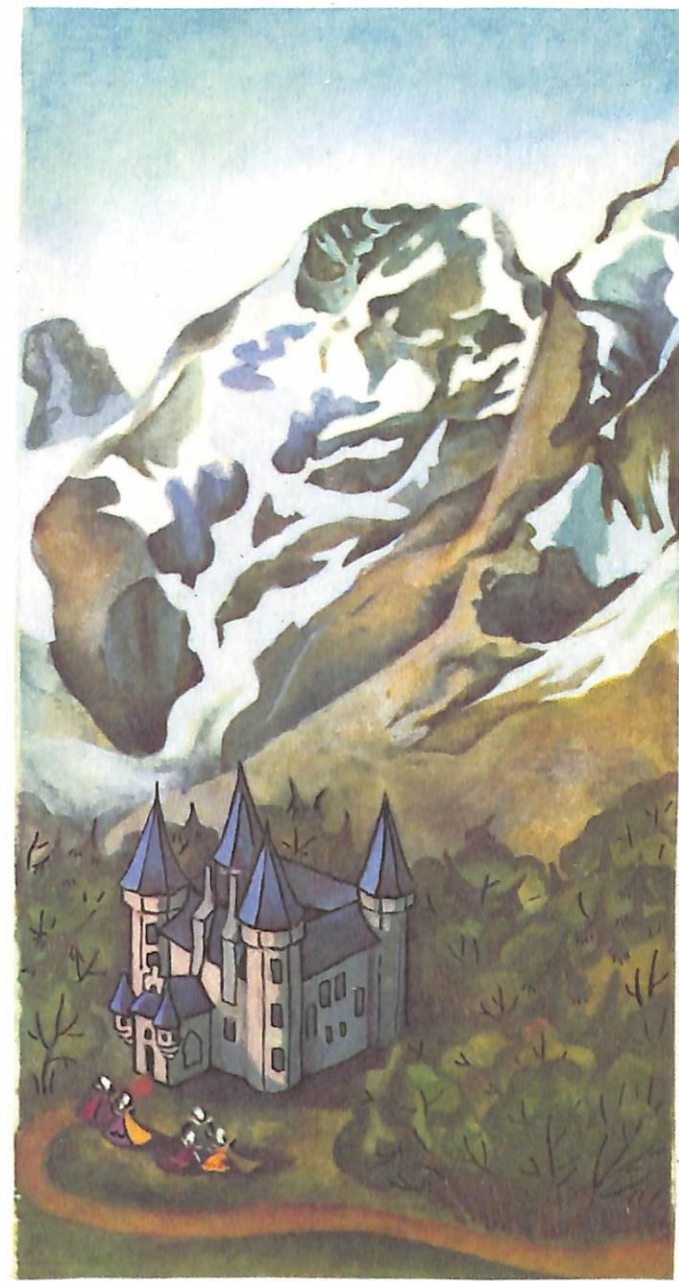
мятой, а по дорожкам бегали весёлые ребята и ловили больших пёстрых бабочек. Но ласточка летела всё дальше.

На берегу прекрасного голубого озера, среди зелёных кудрявых деревьев, стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились птичьи гнёзда. В одном из них и жила ласточка.

— Вот мой дом, — сказала ласточка. — А ты выбери себе самый красивый цветок внизу, я посажу тебя туда.

Дюймовочка обрадовалась и от радости захлопала в ладоши.

Внизу лежали куски белого мрамора — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куса, — между мраморными обломками росли большие белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на широкий лепесток. Но что за чудо! В чашечке сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, как будто он был из стекла. За плечами у него дрожали лёгкие крылышки, а на голове блестела маленькая золотая

корона. Ростом он был не больше нашей Дюймовочки. Это был король эльфов.

Когда ласточка подлетела к цветку, эльф совсем перепугался,— он был такой крошечный, а ласточка такая большая! Он никогда ещё не видел такой красивой девочки. Он низко поклонился ей и спросил, как её зовут.

— Дюймовочка,— ответила девочка.

— Милая Дюймовочка,— сказал эльф,— не хочешь ли ты быть моей женой?

И Дюймовочка сразу согласилась.

Тогда из каждого цветка вылетели эльфы и принесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим подарком были прозрачные крылышки, совсем как у стрекозы. Их привязали Дюймовочке на спину, и она тоже теперь могла летать с цветка на цветок. То-то было радости и веселья! А ласточка сидела наверху, в своём гнёздышке, и распевала песни как умела.

Она пела эльфам весёлые песни всю тёплую зиму, а когда в холодных странах пришла весна, ласточка стала собираться на родину.

— Прощай, прощай! — прощбетала ласточка и опять полетела из тёплых краёв в Данию.

Там у неё было маленькое гнёздышко, как раз над окном человека, который умел хорошо рассказывать сказки. Ласточка рассказала ему про Дюймовочку, а от него и мы узнали всю эту историю.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ханс Кристиан Андерсен

ДЮЙМОВОЧКА

Перевод с датского А. Ганзен

Художник Н. Князькова

Редактор Э. Стелченко
Художественный редактор А. Кашеков
Технический редактор М. Матюшина
Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.12.90. 84×90^{1/16}.
Бум. офс. № 1. Гарнитура балтика. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,1. Усл. кр.-отт. 14,7. Уч.-изд. л. 2,46. Ти-
раж 650 000 экз. Заказ № 562. Цена 1 руб. 10 коп.
Совместное Советско-испанское предприятие «МГЛ Интер-
нешна». 121352. Москва, Давыдовская ул., д. 5. Тверской
ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской
литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и массовой
информации РСФСР. 170040, Тверь, проспект 50-летия
Октября, 46.

© илл. Князькова Наталья Викторовна, 1986.

ISBN 5-7647-0009-4

